

ления с Тургеневым именно западного читателя. После этого автор переходит к жизни и творчеству писателя, распределяя весь материал по пяти главам: «Романтические начала»; «Драматическое творчество»; «На пути к реализму»; «Эпоха создания романов»; «Рассказы и новеллы». Первая из названных глав занята в основном поэтическими созданиями молодого Тургенева-стихотворца; глава IV — «Записками охотника», глава VI — более поздними рассказами писателя, причем автор находит место даже для анализа композиции «Трех портретов» и ее схемы, что безусловно выигрышно в дидактических целях. Некоторые из глав заключают в себе и экскурсы — в главе IV это разделы о «западниках и славянофилах», в главе V — о взаимоотношениях Тургенева и Льва Толстого, Тургенева и Достоевского; нужно подчеркнуть для характеристики научного стиля автора, что его рассказ никогда не бывает сбивчивым и торопливым. Книгу завершает библиография, разумеется, выборочная, однако весьма продуманная (с. 151—155) и доходящая до 1990 г.; в ней учтена последняя книга А. И. Батюто [12], но еще отсутствует новое издание «Записок охотника» в серии «Литературные памятники» [13]. Ничего существенного в этой библиографии не пропущено.

К особенностям книги Р.-Д. Клуге следует отнести то, что поэмы и драматические произведения молодого Тургенева получают в ней внимательную и уважительную характеристику, какой удостоены лишь четыре первых романа и некоторые поздние рассказы Тургенева. Поскольку в свою очередь зрелое и позднее творчество обрисованы автором достаточно выразительно, некоторая диспропорция — относительно подробное описание второстепенных драм и почти полное невнимание к «Нови» — при чтении книги не замечается и может быть только умозрительно вычислена. Автор неоднократно подчеркивает то обстоятельство, что и как драматург, и как новеллист-прозаик Тургенев выступает в качестве непосредственного предшественника А. П. Чехова; сентиментально-романтические пережитки в языке и стиле, в образном строе Тургенева не привлекают в той же мере его внимания и, видимо, не ощущаются им столь же остро. Что Тургенев был «по сути дела основателем русского реализма» (с. 59), может осознаваться нами, скорее, как слишком общая, недостаточно дифференцированная, но в сущности ни к чему не обязывающая формула общей оценки. Автор возражает литературоведам, усматривающим в творчестве Тургенева «патину исторического» (с. 9) и считающим

его романы «устаревшими», и, напротив, находит их современными в особом смысле (с. 117). Последнее нам можно было бы даже в известном отношении предвидеть: современное (в конце XX в.) культурно-историческое сознание, по всей видимости, поворачивается к своей истории так, что постепенно учится видеть во всем когда-либо бывшем нечто существенно близкое себе — об этом у рецензента уже был случай писать; однако очевидно и то, что русское читательское сознание в настоящее время не торопится открывать особую актуальность Тургенева и в этом плане отстает и от автора книги, и от многих исследователей Тургенева; можно предположить, что русское восприятие Тургенева тормозится некоторыми чертами его творчества, которые по традиции или по инерции по-прежнему воспринимаются как далекие или как «архаические». Даже и тургеневские «нигилисты», начиная с незабвенного Базарова, при всей сохраняющейся и нарастающей в нашей современной культуре злободневности темы нигилизма не способствуют чтению Тургенева; отметим только, что и Р.-Д. Клуге в своем подробном разборе «Отцов и детей» не был побужден к сколько-нибудь подробной трактовке темы нигилизма или же к проведению явных и еще не исследованных немецко-русских параллелей (Карл Гуцков), но остается только в традиционных пределах рассмотрения нигилизма. Для К.-Д. Клуге Базаров — это прежде всего «трагическая фигура, которой пришлось убедиться в том, что планы и цели ее далеки от действительности; перед лицом смерти он в довершение всего убеждается и в ничтожности человеческих мыслей и дел перед безразличной вечностью природы и космоса» (с. 100—101). Только Боткин и Достоевский, по мнению автора, распознали этот базаровский трагизм. Такой взгляд на Базарова, с одной стороны, обязан уже давней немецкой трактовке феномена нигилизма (прежде всего уже языком, на котором тут говорится о нигилизме), но, с другой стороны, он родствен современным исканиям нового взгляда на этот самый памятный тургеневский персонаж (см., в частности, работу А. И. Батюто [12]). Во всяком случае Базаров рассматривается уже не в логике русского освободительного движения, а в плане прежде всего экзистенциальном. Что некоторые прозаики воспользовались фигурой Базарова — «нового человека» — для создания своих собственных произведений и что эти прозаики составляют здесь (с. 103) такой ряд: Помяловский, Слепцов, Писемский, Лесков и другие — не должно нас удивлять, поскольку при краткости всей книги автору вполне